

Глава 4. Расизм и будущее движения

Джим Хотон:

Я согласен Мюрреем и Дейвом по поводу их очень сильного и решительного заявления, что это общество насквозь прогнило, но я настаиваю на том, что оно было гнилым с самого его зарождения. Мы не можем просто искать возврата в воображаемое либертарное, демократическое прошлое. В то время как «отцы-основатели» говорили о создании демократии в этой стране, они продолжали увозить сюда людей из Африки, обращённых в рабство, и истреблять коренные американские народы, которые сопротивлялись европейской оккупации. Очевидно, что американская концепция демократии была ущербной с самого начала. Последние триста лет происходило лишь совершенствование общества, основанного на хищническом поведении, бездушном пренебрежении человеческой жизнью и безумной погоне за прибылью.

Это хищническое поведение изначально также распространялось и на экосистему. Когда коренные американцы свободно проживали в Северной Америке, было больше уважения к земле и её обитателям. Это было утрачено с началом европейского вторжения. Вскоре после того, как европейцы прибыли сюда со своими законтрактованными и захваченными рабами и со своей аристократией, земля стала всего лишь недвижимым имуществом, которое надо было отобрать у племенных сообществ, разделить между белыми европейцами на частные владения и эксплуатировать для получения прибыли на всё расширяющемся рынке. Большинство белых поселенцев боялись дикой природы и ненавидели её. Дикая природа, как и индейцы, стояла на пути неограниченной эксплуатации Нового Света. И то, и другое должно было быть уничтожено.

Современное энвайронменталистское, или экологическое, движение отмечает важный разрыв с этим порочным мировоззрением. Я испытываю большое уважение к этому движению. Экологический вопрос очевидным образом пересекается с вопросами этики и выживания, которые сегодня встают перед человеческим родом. И всё-таки мне интересно, как далеко в разрыве с прошлым нашей нации может зайти экологическое движение, если оно не желает при этом затрагивать вопрос расизма. Расизм стал основой американской общественной системы. Система в нашей стране – расистская сверху донизу. Расизм настолько проник в американскую жизнь, что люди уже даже не замечают и не реагируют на него.

До сегодняшнего времени экологическое движение чаще держалось за это наследие, чем пыталось от него избавиться. Движение часто односторонне критиковало разрушительное

поведение нашего общества по отношению к природе, но игнорировало открытое и непрекращающееся угнетение им людей, в особенности бедных цветных людей, которые относятся к числу наиболее преследуемых. Движение слишком часто формулировало свою программу в таком виде, что она вступала в конфликт с краткосрочными и долгосрочными нуждами бедных цветных людей во всём мире. Поскольку энвайронменталистское движение на протяжении своей истории было преимущественно связано с белыми людьми и средним классом, его представления были неполными, и важные соглашения не были достигнуты.

Эти соглашения, которыми пренебрегли, могут быть ключом к будущему борьбы за экологическое общество. К их чести, Мюррей и Дейв чётко определили капитализм как один из самых больших источников опасности для живого мира. Они правы. Мы действительно живём обществе, где есть правящий класс, в собственности или под контролем которого находятся все основные ресурсы и институты общества, где сама динамика системы требует постоянного роста и эксплуатации и где общий интерес, состоящий в низовой демократии, человеческой солидарности и экологическом равновесии, попирается ради удовлетворения частных интересов правящего класса. Это ставит перед нами вопрос: как мы можем организовать широкое движение, которое будет в состоянии изменить эту систему с самого основания.

И мы должны понимать, что одно из важнейших средств, дающих правящему классу возможность разделить это движение, завоевать его и распорядиться его силой, по крайней мере в этой стране, – это расизм. Расизм исторически разделил массу рядовых американцев, которые в действительности являются естественными и закономерными союзниками в борьбе против разрушительного влияния корпоративного капитализма и основных институтов его элиты. Расизм, таким образом, стал стратегической угрозой любому социальному движению в этой стране, стремящемуся к реформам или фундаментальным изменениям. Возможно, не найдётся силы, которая была бы более разобщающей. Мы видели, как она разрушает или ограничивает движения, много раз в течение нашей истории.

Может ли экологическое движение позволить себе, с моральной или стратегической точки зрения, игнорировать расизм и важность преодоления пропасти между расами? Может ли оно позволить себе интересоваться только дикой природой и нечеловеческой жизнью, игнорируя упадочную и нездоровую обстановку на рабочих местах, в наших городах и в нашей сельской местности, которая в первую очередь сказывается на рабочем классе и цветных бедняках? Может ли оно позволить себе потерять возможных союзников из-за своего безразличия или недостаточной осведомлённости?

Мой вопрос к Дейву и Мюррею таков: какие мысли у каждого из вас относительно создания межрасовых альянсов, которые могут придать широкому экологическому движению достаточно сил, чтобы произвести фундаментальные изменения? Какие шаги может предпринять экологическое движение, чтобы расширить свою базу, углубить своё видение и побороть расизм?

Дейв Формен:

Прежде всего, этот разговор не обещает быть лёгким. Расизм глубоко уходит корнями в нашу национальную историю. Я вижу это по своей собственной семейной истории. Моя родословная полностью североевропейская. Моя семья приехала в округ Калверт, Мэриленд, в начале XVII века. Затем она переехала в долину Шенандоа. Она последовала за Дэниелом Буном по Дороге диких мест в Кентукки, изгоняя коренные племенные народы, поколениями жившие в этой области. Некоторое время моя семья держала там плантацию и владела рабами. Несмотря на это, она оказалась в затруднительном положении, подобно многим другим фермерам-хлопководам, истощившим свою землю, и в конце концов потеряла плантацию. Большинство членов моей семьи в итоге стали бедняками-хиллбилли в Восточном Кентукки. Я происхожу из той американской традиции, которую так красноречиво раскритиковал Джим, из традиции, которая редко задумывается об этичности эксплуатации земли или цветных людей. Я вспоминаю поездки к моим родственникам в Сан-Антонио, Техас, в 1950-е, когда уборные для белых и цветных всё ещё были отдельными. В то время я ничего не думал об этом. Это было «естественно». Всё просто было так, как было. Я – продукт этой глубоко укоренившейся в Соединённых Штатах расистской традиции. Как и у других белых энвайронменталистов, это несомненно влияет на мою политику и организаторскую работу.

Но я всё же верю, что создание межрасовых альянсов возможно. Например, в Лос-Анджелесе местная группа «Земля прежде всего!» работала с чёрными в большинстве своём жителями Уоттса, организовавшимися против токсичного мусоросжигательного завода, который строился в этом районе. Такая кампания немного выходит за пределы обычной для «Земля прежде всего!» заботы о дикой природе и вымирающих видах, но это – проблема, недвусмысленно связывающая борьбу за расовую справедливость с незагрязнённой средой. Лос-анджелесская «Земля прежде всего!» подумала, что это был бы эффективный способ создать радикальный экологический альянс, преодолевающий расовые границы.

Экологические угрозы, связанные с загрязняющими среду мусоросжигательными заводами, нездоровыми свалками и токсичными полигонами для промышленных отходов, – это огромная проблема для выживания цветных сообществ по всей стране. В самом деле, места проживания бедноты, с высоким процентом цветных людей, имеют гораздо больше шансов на размещение таких опасных для среды и общественного здоровья объектов, чем белые районы с большей долей среднего класса. Защитники окружающей среды и группы борьбы за гражданские права могут действовать сообща в таких вопросах, и они должны это делать. Состоящие преимущественно из белых представителей среднего класса антиядерные объединения 1970-х так и не пришли к полному осознанию связи между этими проблемами, когда они проводили свои кампании прямого действия против атомных электростанций. Они, несомненно, были бы намного сильнее, если бы приложили больше усилий к созданию межрасовых альянсов. Проблема была налицо, не было лишь необходимых для создания коалиции шагов.

К счастью, растущее и боевое, многорасовое, низовое «движение за экологическую справедливость» организуется на такой платформе во всё более бедных сообществах по всей территории Соединённых Штатов⁷⁰. Такие организации, как Народный центр горцев в Теннесси, давали этому движению образование и готовили его лидеров, уделяя особое

внимание лидерам женских и цветных сообществ. Меня очень вдохновляют такие организации. Хотя это и не является основной организационной задачей «Земля прежде всего!», я рад, что другие группы берут на себя эту работу. Так и должно быть. Я глубоко убеждён в том, что крупные мейнстримные экологические объединения должны оказывать этой борьбе серьёзную финансовую и политическую поддержку и что радикальным белым экологами тоже не помешало бы активно поучаствовать в такой низовой организации.

Однако я уверен, что группы наподобие «Земля прежде всего!» не должны переключать внимание со своей первоочередной цели, защиты девственных областей и вымирающих видов, на создание межрасовых альянсов. Было бы огромной ошибкой полагать, что такая организация неактуальна для цветных сообществ. Это может не выглядеть как очевидная проблема выживания для тех афроамериканцев, которые изолированы в противоестественной, упадочной городской среде, которые отчаянно пытаются удержаться на плаву и содержать свои разорённые пристанища, но всё же, в конечном счёте, она затрагивает и их жизни. Защита тропических лесов – это вопрос выживания для всей планеты, включая человеческий вид. Кроме того, хотя у большинства афроамериканцев, само собой, есть более неотложные заботы, тропические леса являются домом для многих аборигенных племенных народов и крестьян, которые зависят от лесов в плане физического и культурного выживания и которые считают, что лесная экосистема имеет неотъемлемую ценность и достойна человеческого уважения.

Международное движение за сохранение тропических лесов дало замечательные результаты, обеспечив взаимно плодотворное сотрудничество между коренными народами и энвайронменталистами США, Японии и Западной Европы. Этот опыт углубил представления большей части американского экологического движения. Лично я многому научился благодаря своему общению с этими племенами. Я с полной ясностью осознал, насколько ценно для экологического движения присоединиться к борьбе против империализма и продолжающихся притеснений племенных народов во всём мире. Когда мы боремся, чтобы защитить леса, мы одновременно должны бороться, чтобы защитить те племенные культуры, которые исторически жили в гармонии с лесами и уважали их. Я горжусь той международной поддержкой, которую мы смогли обеспечить этим людям, а также тем фактом, что несколько племенных групп используют мою книгу «Экозащита» в качестве пособия, чтобы бороться с вырубкой леса и другими посягательствами коммерсантов на экологическую целостность их лесных сообществ.

Я давно пришёл к убеждению, что нам важно понять расовую статистику, которая в немалой степени обуславливает экологический кризис. Нам нужно признать тот факт, что белые мужчины из Северной Америки и северной Европы несут на себе непропорционально большую долю ответственности за тот беспорядок, в котором мы находимся; что потребители из высшего и среднего класса первого мира забирают себе непомерное количество мировых ресурсов и тем самым вызывают большее разрушение на душу населения, чем другие народы.

В значительной степени опираясь на понимание этого, движение «Земля прежде всего!» достигло такого духовного родства с коренными народами по всему миру. В целом, они находятся в самых близких и уважительных отношениях с природой. Поэтому «Земля

прежде всего!» пыталась поддерживать эти группы в совместной борьбе всякий раз, когда это было возможно. Большинство «землян», к примеру, сочувствуют динэ, или навахо, живущим на Биг-Маунтин, которые сопротивляются плану правительства США по их насильственному перемещению. Некоторые из нас уже упорно работают над этим.

Я думаю, что белые энвайронменталисты должны гораздо чаще вступать в такую борьбу и начинать устанавливать важные организационные связи с этими племенными сообществами и другими цветными людьми. Однако одна из проблем, которую я раз за разом встречал у многих белых организаторов, пытающихся создавать коалиции с цветными людьми, заключается в следующем: они настолько поглощены чувством собственной вины, что возводят цветных людей на пьедестал и ограждают их от всяких вопросов или критики. Это – большая беда для коалиционного строительства. Это препятствует обмену опытом, который должен происходить между всеми сторонами альянса.

Я думаю, что для Джима правильно и важно критиковать пережитки расизма в экологическом движении и критиковать само экологическое движения, когда оно признаёт только борьбу за сохранение дикой природы и игнорирует или осуждает борьбу за окружающую среду и выживание, которая ведётся бедными цветными людьми. Мы многое можем извлечь из такой критики. Нами допущено много ошибок, которые должны быть исправлены. Однако я думаю, что и для экологических групп важно и правильно критиковать цветные сообщества, если в выработанных ими программах не уделяется достаточное внимание планете. Если союз действительно будет что-то значить, критическое рассмотрение должно быть двусторонним. Действительно, нас должно беспокоить притеснение женщин, рабочих, цветных людей. Но мы также не должны забывать о представителях других живых видов, которые входят в число наиболее угнетаемых существ на планете.

Прямо сейчас мы ведём невиданную войну против геноцида и доминирования над миром природы. Так, хотя нам и следует поддерживать народ дине, мы не должны делать вид, что перевыпас домашних овец в резервации навахо не представляет существенной проблемы. Хотя мы поддерживаем традиционные способы добывания средств к жизни, принятые у коренных народов в дикой местности Аляски, нам нельзя умалчивать о вырубке индейскими корпорациями старовозрастных лесов на юго-востоке Аляски или о мерах по разведке и добыче нефти в Национальном Арктическом резервате дикой природы, предпринимаемых эскимосской корпорацией «Дойон».

Мы, однако, должны быть вдумчивыми и соблюдать уважение, когда мы критикуем и обсуждаем друг друга. Усилия по налаживанию союза так же могут быть разрушены безответственной критикой, как и некритическим молчанием. Разглядеть творческие идеи, когда они не лежат на поверхности, часто бывает нелегко. Я думаю, что «Земля прежде всего!» не всегда удавалось продуктивно критиковать наших союзников в мейнстримном природоохранном движении.

Лозунг «Земля прежде всего!»: «Никаких компромиссов в защите Матери-Земли». Но что на самом деле означает «никаких компромиссов»? Это означает противостоять совершающим экологический геноцид корпорациям и правительственным учреждениям, бороться против

них, конечно же. И всё-таки слишком часто, когда вы постоянно боретесь с влиятельными и непреклонными силами, вам не удаётся сменить этот настрой, когда вы находитесь среди фактических или потенциальных союзников и обсуждаете ваши с ними разногласия. Мы часто разговариваем со своими возможными союзниками в таком же резком, провокационном, бескомпромиссном тоне. Это делает плодотворный диалог весьма трудным. Мы должны уберечь себя от этого. Всегда есть некоторые действительные различия во мнениях и в восприятии между теми, кто проявляют активность в разных вопросах. Их нельзя отбрасывать или оставлять без внимания. Но при этом мы должны быть открытыми, готовыми к сотрудничеству и взаимным уступкам, чтобы найти способ поговорить друг с другом и сплести наши разноголосые протесты в единое движение.

Я думаю, что в первобытных культурах существовал механизм, позволявший это сделать. Если вы шли охотиться, или ловить лошадей, или вступить в схватку с людьми из другого племени, вы проходили определённые ритуалы, чтобы подготовиться к этому. Однако, прежде чем вернуться в свою родную общину, вы также должны были пройти определённые очистительные ритуалы, чтобы быть уверенными в том, что вы до конца прошли обратный путь. Это то, о чём мы забыли. Если мы на самом деле хотим научиться сотрудничать, преодолевая границы рас, классов и личного опыта, значит, мы должны уметь с адским упорством сражаться против тех сил, которые угрожают всем нам, одновременно сохраняя чувство общности и связи между нами, ведь мы и боремся для того, чтобы разрешить наши разногласия. Мы должны признать, что эти противоречия среди нас отличаются от противоречий между вами нами и защитниками имперского статус-кво.

Установление таких руководящих принципов обсуждения будет, однако, чисто академическим, если люди не поддерживают действительный контакт и не говорят друг с другом. Без действительного общения мы просто не сможем осознать, что мы участвуем в одной и той же борьбе и что мы в конечном счёте нужны друг другу. Как нам добиться того, чего мы хотим, как нам преодолеть былые расхождения и как нам наладить связи – всё это очень трудные вопросы. Я уже привёл несколько примеров того, как экологическое может создавать такие союзы в общей, коалиционной борьбе. Эти инициативы следует расширять, но я, кроме того, думаю, что защитники окружающей среды должны подталкивать себя и на более личном уровне.

У наведения мостов между сообществами или движениями есть и своё очень личное измерение. Нам нужно искать возможность узнать о жизни, интересах и проблемах друг друга. Когда я находился в федеральной тюрьме, после того как меня схватило ФБР, я встретил там много людей, с которыми не пересёкся бы в своей повседневной жизни. Так как меня показывали по ТВ, я был своего рода знаменитостью среди заключённых. Все хотели взять меня под своё крыло и показать мне всё вокруг. В тюрьме я встретил много нелегальных иммигрантов и услышал много историй о пограничном патруле и жизни вдоль американо-мексиканской границы. Именно такие беседы, как эти, помогли мне понять, что пограничный патруль и так называемая война с наркотиками являются частью политики, направленной на создание и признание в этой стране машины расистского полицейского государства. Такие беседы заметно расширили круг моих политических интересов.

Энвайронменталисты также могут внести большой вклад в расширение кругозора жителей бедных цветных сообществ, которые были насильственно оторваны от земли и заперты в разлагающейся урбанистической среде. Я думаю, что «Готов в путь» и другие подобные группы проделали хорошую работу своими программами, которые позволяют людям из бедных районов любой этнической принадлежности выбраться на природу, чтобы обогатить свою жизнь и понять ценность живого мира. Чтобы установить такую же связь, я брал родственников мужа моей сестры, которые относятся к рабочим-латиноамериканцам, на сплав по речным каньонам северного Нью-Мексико. Мой племянник стал фанатом дикой природы. У него, наверное, самый длинный список наблюдений за птицами (life list of birds), чем у любого ребёнка в штате. Я говорил обо всём этом и с Баньоном Брайантом, который, возможно, является единственным в стране чёрным профессором, специализирующимся на природных ресурсах. Мы в настоящее время планируем устроить путешествие на плоту со специально отобранной группой людей и во время него обсудить, как наладить совместную работу, чтобы устранить недостаток экологической грамотности у значительной части урбанизированного афроамериканского сообщества.

Но, по большому счёту, у меня нет готовых и окончательных ответов на вопросы Джима. Это только некоторые предварительные мысли в начале сложного процесса. Вероятно, потребуется упорная работа на протяжении по крайней мере нескольких поколений, чтобы полностью залечить наши социальные раны, которые разделяют нас и не дают сотрудничать в полную силу. Я не думаю, что создание широкой, всеохватывающей организации, которая стремилась бы эффективно решать все наши проблемы, будет сейчас практичным или мудрым шагом. Я думаю, что любая инициатива в этом направлении рухнет под тяжестью собственного веса. В чём мы сейчас, как я думаю, нуждаемся, так это в большей готовности сотрудничать и учиться друг у друга, а также в принятии разнообразия наших главных интересов и акцентов. Это, на мой взгляд, – лучшая в данный момент основа для взаимного сотрудничества и создания альянса.

Возможно, хорошей аналогией того, в чём мы сегодня нуждаемся, было бы охотничье-собираческое племя, которое часто делилось на мелкие семейные группы по несколько человек, а потом, несколько раз в году, собиралось вместе как большая группа для социализации, обмена идеями, впечатлениями и, образно говоря, генетическим материалом. Ещё я думаю, что мы должны смотреть на более широкое движение как на могучую реку, в которой много отдельных течений. Иногда эти течения разделяются; иногда они сливаются и текут вместе. Но все эти течения остаются частью одной и той же реки. Фокус в том, как заставить эти течения бежать в одном направлении. Давайте признаем, на нашем пути стоит большая уродливая плотина, которую нам нужно опрокинуть и разрушить до основания. Мы должны будем сотрудничать, если мы собираемся стать достаточно сильными, чтобы сделать это. Нам сейчас нужно направить свои усилия к достижению соглашения.

В заключение позвольте мне процитировать Генри Дэвида Торо: «Пусть твоя жизнь станет тормозящей силой и остановит машину»⁷¹.

Мюррей Букчин:

Я тронут выступлениями Джима и Дейва. Одна из моих главных претензий к «глубинной экологии» в том, что ей недостаёт ясной развитой социальной теории и этики. Так создаётся очаг философской «толерантности» для несовместимых в корне идей и представлений, от гуманистических натуралистов в традиции Торо до слегка завуалированных расистов. Сегодня Дейв, кажется, присоединяется к первым. Я не могу не приветствовать это после тех человеконенавистнических и неомальтузианских статей, которые я не так давно встречал на страницах «Земля прежде всего!».

На протяжении ряда лет некоторые из наиболее видных представителей «Земля прежде всего!» очевидным образом попадали в последнюю категорию. Лозунги вроде «Реднеки за дикую природу» свидетельствуют по меньшей мере о несознательности, и, опираясь на них, вряд ли можно преодолеть расовые различия. Такой лозунг может иметь расистский подтекст, направленный против афроамериканцев. Ещё более опасны заявления, которые по-прежнему публикуются ведущими глубинными экологами, связанными с «Земля прежде всего!», и которые называют эпидемию СПИДа – оказавшуюся наиболее опустошительной в чёрных и гей-сообществах – исполнением мечты энвайронменталиста, или отношение к голоду в Эфиопии как к печальной, но, по-видимому, необходимой мере по регулированию населения третьего мира, или мнение, что латиноамериканцы – «в культурно-морально-общем смысле» низшие люди, которым нужно запретить эмигрировать в Соединённые Штаты и расходовать «наши» ресурсы.

Проблема, конечно, заключается не в том стремлении воспитать новое восприятие мира природы, о котором заявляют глубинные экологи. Все радикальные экологи согласны с необходимостью выйти за рамки ограниченного экологического сознания, которое смотрит на «Природу» просто как на послушный набор «естественных ресурсов» и определяет наиболее целесообразное отношение человека к природному миру просто как «эффективное» и «благоразумное» использование этих ресурсов, не угрожающее биологической «устойчивости» человеческой популяции. Независимо от различий в нашей философии природы, и глубинные, и социальные экологи призывают недвусмысленно и глубоко уважать биосферу, сознательно стремиться приспособить себя к её условиям и пытаться достичь гармонии между обществом и природой. Я убеждён, что все социальные активисты должны проникнуться этим новым восприятием природы.

Главная проблема философии глубинных экологов в том, насколько далеко они способны видеть. Они не выдвигают социальные корни экологического кризиса на первый план и не обращаются к ним регулярно. Они не изучают и не интерпретируют исторические свидетельства возникновения общества из первой, или биологической, природы – этого ключевого момента эволюции, который органически соединяет социальную теорию с экологической. Они не дают нам никакого объяснения – и, более того, не проявляют почти никакого интереса, – как из раннего органического общества возникла иерархия, как из иерархии возникли классы, как из классов возникло государство – короче говоря, как совершилась та многоэтапная социальная, а равно идеологическая трансформация, которая стоит у истоков экологической проблемы. По большому счёту, в этих вопросах они едва ли более проницательны, чем реформистское энвайронменталистское движение. Поэтому, даже когда отдельные глубинные экологи заводят разговор о гармонизации отношений между расами, гендерами и классами, их обеспокоенность не обусловлена последовательно

выраженной глубинно-экологической философией. Это скорее выражается как внешнее этическое и социальное обязательство, которое может – или, с другой стороны, не может – быть добавлено к глубинно-экологическим концепциям.

Женщины, бедные и цветные, я думаю, правы в своём весьма настороженном отношении к философии, которая расценивает жизненно важные вопросы человеческой солидарности, демократии и освобождения как необязательные и второстепенные темы в лучшем случае и как свидетельство «антиэкологического» или «антропоцентрического» эгоизма – в худшем. Чтобы предоставить прочную основу для альянса, экологическая философия должна быть социальной экологией, которая критикует и ниспровергает все формы иерархии и господства, а не только предпринимаемые нашей цивилизацией попытки господствовать над миром природы и грабить его. Она должна поставить своей высшей целью создание неиерархического общества, чтобы мы могли жить в гармонии с природой.

Наше нынешнее общество имеет определённо иерархический характер. Это собственническое общество, где экономическая власть сосредотачивается в руках корпоративных элит. Это бюрократическое и милитаристское общество, где политическая и военная власть сосредотачивается в централизованных государственных институтах. Это патриархальное общество, где мужчинам в большей или меньшей степени отводится господствующая роль. И это расистское общество, которое даёт белому меньшинству возможность самонадеянно властвовать над цветными народами, составляющими громадное большинство мирового населения. Хотя в теории иерархическое общество может биологически сбалансировать себя, по крайней мере на время, осуществляя драконовский контроль за окружающей средой, невозможно представить, чтобы современное иерархическое и особенно капиталистическое общество смогло установить равноправные, этико-симбиотические отношения между собой и миром природы. Пока сохраняется иерархия, пока система господства организует человечество вокруг элит, идея доминирования над природой будет оставаться преобладающей идеологией и неизбежно приведёт нашу планету на грань, если не столкнёт в пропасть, экологического вымирания.

Социальная экология является более подходящей основой для создания альянса и взаимоуважительного единства в многообразии, поскольку она понимает, что само представление о господстве над природой вытекает из господства человека над человеком, а именно – старших над младшими, мужчин над женщинами, одной этнической или расовой группы над другой, государства над обществом, одного экономического класса над другим и колониальной державы над поработанным народом. Это позволяет подчеркнуть все социальные проблемы, которые большинство глубинных экологов и реформистских энвайронменталистов склонны игнорировать, часто преуменьшать или полностью искажать. С этой точки зрения борьба против расизма – не просто программный пункт, который можно добавить к «защите Земли», а жизненно важная и существенная часть строительства по-настоящему свободного и экологического общества. Поэтому непростая работа по созданию межэтнических альянсов представляется, как совершенно правильно сказал Джим, и моральной, и стратегической директивой для экологического движения.

Я глубоко ощущаю это нравственное обязательство. В начале 1940-х я работал и был профсоюзным делегатом на литейном заводе, где более 80 процентов моих коллег были

чёрными. Благодаря этому опыту я смог во всех красках увидеть жизнь моих афроамериканских братьев и их угнетение. Я вновь пережил это, участвуя в движении за гражданские права в конце 1950-х и начале 1960-х и работая с Конгрессом расового равенства. Сегодня я не только чувствую себя свидетелем расовой эксплуатации. Я вижу уничтожение самого чёрного сообщества. Я вижу в действии геноцид чёрных и других цветных людей в городах Америки. Это ужасает меня. 24 процента всех чёрных мужчин в Нью-Хейвене в возрасте от 20 до 30 лет являются ВИЧ-инфицированными. Этим людям не помогают; их существование только «признаётся», просто как очередной статистический показатель в отчётах Службы здравоохранения. Сегодня ужасы расизма, которые значительно усугубились по сравнению с тем, с чем я впервые столкнулся в 1930-е и 1940-е, оскорбляют все мои понятия о справедливости. Экологическое движение должно решительно подняться против расизма и принять активное участие в борьбе с ним.

Одно из главных препятствий для создания межэтнических альянсов проявляется себя на программном уровне. Одна из банальностей, повторяемая природоохранным движением, – то, что наше общество достигло экологических пределов своего общего роста на глобальном уровне. Энвайронменталисты таким образом призывают к ограничению экономической экспансии, роста народонаселения и индивидуального потребления. Такие требования во многом обоснованны. Я давно утверждаю, что мы должны преобразовать наше раздутое, урбанизированное и ненасытное общество в конфедерацию экосообществ с территорией, населением, технологией и потреблением, тщательно рассчитанными для конкретной экосистемы, в которой они располагаются. Но когда эти требования не помещены в ясный контекст борьбы за неиерархическое общество, призывы «ограничить рост» почти неизбежно оборачиваются расистскими и драконовскими мерами власти имущих, которые должны обеспечить устойчивость иерархических обществ первого мира за счёт материальных потребностей жителей третьего мира. Поэтому не стоит удивляться тому, что в глазах многих активистов цветных сообществ энвайронментализм стал не более чем расистской программой, которая блокирует необходимые экономические изменения и принуждает к ещё более строгому самоограничению цветных людей в этой стране, в Латинской Америке, Азии и Африке. Он также стал рассматриваться как порочная политика по ограничению «избыточной» численности цветного населения с помощью голода, эпидемий и насильственной стерилизации.

Довольно скверно, что реформистские энвайронменталисты наивно позволяют втягивать себя в это извращение подлинных целей экологической политики. Но ещё больше обескураживает меня то, что люди, определяющие себя как глубинных экологов, активно выступают за подобные меры и при этом называют свои взгляды «радикальной экологией». Я мог показаться слишком неуступчивым в своём резком отношении к этим тенденциям в экологическом движении, но я думаю, что моя горячность оправдана. Такие представления делают продуктивный межрасовый альянс практически невозможным. Я не могу «не напрягаться», когда речь заходит о данном пункте. И явному, и скрытому расизму должен быть брошен вызов, мы должны с корнем вырвать его из нашего движения. Игнорировать эту необходимость – значит обрекать на себя на моральное и стратегическое поражение.

Призывая изменить нашу экологическую философию и способ, которым мы разрабатываем и формулируем нашу программу, я наряду с этим убеждён, что для радикального

экологического лучшей возможностью построить успешные межэтнические альянсы будет принятие либертарного муниципализма как одной из главных стратегий перемен. Мы, конечно, нуждаемся в проводимых «Земля прежде всего!» кампаниях прямого действия, чтобы защитить девственные области. И всё же, если мы действительно собираемся продвигаться к экологическому обществу, основанному на конфедеративных, демократических сообществах – искусно спроектированных для наших экосистем, – нам также нужно разработать новую низовую муниципальную политику.

Как я уже говорил, мы должны, опираясь на тактику ненасильственного прямого действия, общественной самоорганизации и оживления местной электоральной политики, развивать стратегию, направленную на установление прямого демократического контроля над нашим обществом и преобразование его в том направлении, которое я предложил в своём ответе Линде Давидофф. Чтобы добиться успеха, радикальные экологи должны попытаться создать органические сообщества – органические не только в своём уважении к земле, флоре и фауне, но и в своих стараниях во имя человеческой солидарности, низовой демократии и системы социальной поддержки.

Мы уже можем видеть зародыш такого движения. Я согласен с Дейвом, что местные вопросы, такие как размещение ядерных реакторов или захоронение ядерных отходов, опасности кислотных дождей и наличие вредных свалок – и это лишь некоторые из проблем, осаждающих бесчисленные американские муниципалитеты, – уже помогли объединить таких поразительно разных людей в массовые движения, которые преодолевают традиционные классовые, этнические и социальные барьеры, исторически разделившие наши сообщества. Я полностью согласен с Джимом, что жизнеспособные коалиции между экологами и цветными людьми, бросающие вызов государству и корпорациям, вполне возможны на местном низовом уровне.

За последние несколько десятилетий требования общественного контроля на местах привели к созданию многочисленных квартальных ассоциаций, групп квартиросъёмщиков, альтернативных социальных учреждений, районных объединений и многорасовых гражданских групп действия. Городские собрания, или гражданские ассамблеи, первоначально возникшие в Новой Англии, становятся темой дня в регионах Соединённых Штатов, не имеющих никакой общей традиции с Северо-Востоком. Местные группы действия начали также вмешиваться в местную политику, когда-то бывшую неприкосновенным заповедником партийной элиты. Их действия приняли такой масштаб, что начинают влиять на выработку муниципальной политики.

Низовая политика, в особенности народная муниципальная политика, становится неотъемлемой частью политики США в целом. Хотя этому движению пока ещё не хватает внятной позиции и умения ясно ориентироваться, я всё же надеюсь, что оно сохранится и, пусть нетвёрдыми шагами, но проложит себе путь в мир реальной политики. Прямо говоря, должно возникнуть скрытое двоевластие, в котором низы общества начнут бросать вызов его неприступной на вид государственно-корпоративной верхушке. Я думаю, мы уже сегодня можем развить такую тенденцию в Северной Америке. Я думаю, мы можем – если в следующие десятилетия разовьётся в высшей степени сознательное, хорошо организованное и последовательное в своей программе либертарное муниципалистское

движение – создать новое общество на таких принципах, которые смогут поддерживать равновесие, согласованность, гармонию в отношениях между людьми и между человечеством и природой.

Такой подход – это не утопическая мечта; это неотложная повестка для нашего времени. Из-за автоматизации, оттока капитала и возникновения глобального разделения труда многие города США в глазах корпоративных и правительственных элит превратились из мест сосредоточения ценных «человеческих ресурсов» в свалки ненужных «человеческих отходов». Города вроде Нью-Йорка, Детройта и Сент-Луиса в большей или меньшей степени брошены на произвол судьбы корпорациями и государством. Их оставили в нищете и язвах разложения. И неудивительно, учитывая расистскую историю нашей страны, что цветные люди составляют большинство населения во многих из этих городов. Из-за ухудшения качества муниципальных услуг в этих близких к запустению городах увеличивается пропасть между традиционными институтами, которые управляют городом, и непосредственно городским населением. Недоукомплектованные и недофинансируемые муниципальные учреждения больше не могут претендовать на адекватное удовлетворение таких основных потребностей, как санитария, образование, здравоохранение и общественная безопасность. Мрачная «полоса отчуждения» пролегает между традиционным, приходящим в упадок аппаратом управления этих городов и людьми, на благо которых, как считается, он работает.

Как результат, многие состоятельные жители оставили свои города. Многие из бедняков остались и пропадают в отчаянии, преступлениях, насилии и наркомании. Другие, однако, стали организаторами и активными гражданами. Эти люди делают первые шаги к изменению социального, политического, экономического и естественного ландшафта своих сообществ. Они пришли, чтобы заполнить пустоту. Радикальные экологи должны поддержать этих активных, сознательных граждан и работать в тесном сотрудничестве с ними.

Хотя большинство социальных теоретиков, кажется, ещё недостаточно осознают силу общества, способного создать свои собственные политические институты и формы организации, уже есть многочисленные примеры действия этой силы, вселяющие в меня уверенность. Один из моих любимых относится к Нью-Йорку конца 1970-х. Он называется «Движение Восточной 11-й улицы». Первоначально это движение было пуэрториканской районной организацией, одной из нескольких в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена, которая заключила союз с группой молодых экологически ориентированных радикалов, чтобы восстановить заброшенный многоквартирный дом, опустошённый пожаром. Сам этот квартал, один из худших в латиноамериканском гетто, стал притоном для наркоманов, автоугонщиков, грабителей и поджигателей. После того как здание нелегально заняли местные сквоттеры, оно было полностью отремонтировано коллективом, состоявшим по большей части из пуэрториканцев, а также из немногих чёрных и нескольких белых. Предпринятые движением попытки приобрести права на здание, финансировать его ремонт и распространить свою активность на другие заброшенные строения переросли в громкое дело, которое вдохновило аналогичные инициативы как в Нижнем Ист-Сайде, так и в других районах.

Здание было заселено даже раньше, чем были закончены переговоры с городом. Городское правительство явно не желало поддерживать коллектив, и на него пришлось оказать сильное давление снизу, прежде чем оно оказало хоть какую-то помощь. В конце концов, удалось не только восстановить само здание, но и «экологически модернизировать» его с помощью энергосберегающих приспособлений, изоляционных материалов, солнечных батарей для нагревания воды и ветрогенератора, частично обеспечивающего дом электроэнергией. Попутно велись разговоры о саде на крыше, переработке отходов и превращении близлежащих пустырей в «компактные» парки.

Пришлось бы говорить очень долго, чтобы дать полный отчёт о борьбе Движения Восточной 11-й улицы. Но я с радостью могу сказать, что люди из Института социальной экологии выступили в роли вдохновителей и технических консультантов в этих проектах. Вот, я думаю, малоизвестный и замечательный пример того, как молодые белые социальные экологи работали бок о бок с притесняемыми латиноамериканцами, чтобы переустроить человеческую среду обитания в подлинно экологическом духе.

Возможно, самой значительной особенностью этой борьбы была её леволибертарная атмосфера. Проект восстановления был не только увлекающим строительным предприятием; это было во всех смыслах необычайное кооперативное начинание. С политической точки зрения, движение «боролось с мэрией», и оно делало это, осознавая, что тем самым помогает отвоёвывать права района у машины Большого Города. С экономической точки зрения, оно боролось с нью-йоркской финансовой элитой, продвигая принцип трудового участия (*sweat equity*) – внесение личного вклада в благоустройство – вместо обычных капитальных и денежных вложений. С точки зрения экологии, это движение экспериментировало с экотехнологиями, возобновляемыми источниками энергии и относительной независимостью от большой инфраструктуры. В социальном плане, оно способствовало гордости за свой район, общественной солидарности и самодеятельности. Это был великолепный пример социальной экологии в действии, который заметно контрастирует с теми непостоянством, самооправданием и иногда мизантропией, которые я нередко замечаю у глубинных экологов и энвайронменталистов из среднего класса.

Из отчаянной попытки обеспечить достойное жильё родилось низовое социально-экологическое движение. Можно рассказать много других историй о похожей борьбе в других местах по всей стране. То, что эти низовые движения часто бывают эфемерными, не опровергает наличия либертарной закваски в глубине североамериканского общества. И что ещё более важно в свете нашей дискуссии, существование таких движений позволяет предполагать, что вокруг социально-экологических инициатив можно построить успешные многорасовые альянсы.

В любом случае, мы должны быть очень осторожными в попытках построить союз разных культур. Как я говорил ранее, одна из задач радикального экологического движения заключается в том, чтобы выразить общий человеческий интерес, который превосходит реальные, но узкие интересы класса, нации, этноса и гендера, и создать альянс для переустройства нашего общества на более гуманных и экологических принципах. Но всё же нам стоит воздерживаться от поспешных суждений по поводу общечеловеческого интереса. Если мы признаём мультикультурализм, мы больше не можем принимать господствующую

сейчас культуру за универсальную и ожидать, что другие люди разделят её точку зрения. Попытка преодолеть узость интересов таким способом не будет продуктивной. К сожалению, такой односторонний универсалистский подход глубоко укоренился в движениях, состоящих преимущественно из белых представителей среднего класса. Поэтому для экологического движения сегодня лучше всего поскорее распрощаться с такими понятиями, как «люди», и присмотреться к специфическим классовым, этническим и гендерным интересам, которые заслуживают внимания в более широком контексте общечеловеческого и общепланетарного интереса.

Джим Хотон прав, говоря, что непреодоленное отчуждение между людьми не только противоречит основам социальной этики, но и снижает вероятность создания нами подлинно экологического общества. Чтобы избежать этого, радикальные экологи, независимо от их идейной окраски, должны оставаться солидарными с освободительной борьбой цветных людей, женщин, молодёжи, геев и лесбиянок, рабочих, безработных бедняков и народов колоний. Хотя глубинные экологи редко уделяли этому внимание, такие коалиции составляют часть необходимой социальной борьбы против стародавних традиций и институтов иерархии и доминирования – традиций, которые тысячелетиями уродовали общество и сформировали деструктивное отношение человечества к миру природы. Давайте больше не допускать такого пренебрежения. Если мы действительно боремся за создание экологического общества, мы должны стремиться сделать нашу жизнь тормозящей силой, которая остановит расизм и все формы угнетения и эксплуатации. Это существенная часть любой по-настоящему радикальной экологической политики.

Версия #1

Зверобой создал 18 апреля 2025 21:40:04

Зверобой обновил 18 апреля 2025 21:41:03